

Бай Инь кивнул: разум его всё ещё был ясен. Однако Линь Юньшэнь заметил кровь на его губах, и сердце сжалось. Внезапно он вспомнил старые события, произошедшие много лет назад в древнем лесу на горе Цанцин, и тело его содрогнулось.

В те времена Бай Инь был всего лишь молодым учёным, не владеющим мистическими искусствами, но движимым благородным духом, он стремился вершить справедливость. Тогда его тяжело ранил Хань Циньчуань. Хотя Бай Инь был чуть выше его, Хань Циньчуань был могущественным демоном, и нести на себе раненого Бай Иня для него не составляло труда. Но сейчас Бай Инь был намного старше его, и Линь Юньшэнь, который был слаб и страдал от недугов, не смог бы нести его, если бы тот снова потерял сознание.

Талисманы сгорели дотла. Из-за вмешательства злых духов они не смогли проявить свою силу, и дикая собака, не получив ни царапины, лишь разъярилась и бросилась в погоню за ними. Тело Бай Иня шаталось, и он был на грани падения. Линь Юньшэнь усадил его, быстро открыл свой мешок, достал талисман, укусил палец и, нарисовав новый талисман, бросил его.

Из тел павших начали подниматься бесчисленные тени. Эти духи медленно собрались, образовав круг вокруг них, и, размахивая когтями, остановили дикую собаку. Собака, питавшаяся их телами, вызвала скопление злобы среди духов, и те бросились поглощать её. Линь Юньшэнь, тяжело дыша, опустил голову и встретился взглядом с Бай Инем.

— Чёрт!

Линь Юньшэнь почти инстинктивно выхватил меч и молниеносно приставил его к шее Бай Иня, его глаза сверкали злобой, устремлённой на зрачки Бай Иня.

В панике он забыл, что использование заклинаний духов выдаст его секрет. Судя по выражению лица Бай Иня, тот уже догадался, кто он. В прошлой жизни Бай Инь сжёг его до пепла, и человек, ненавидящий его настолько, наверняка разорвёт его на куски. Лучше нанести удар первым!

Однако в глазах Бай Иня он не увидел ни капли страха. Напротив, его действия, казалось, лишь подтвердили догадку Бай Иня, и на его лице читалось: «Так это ты».

Его рука замерла, а Бай Инь не сопротивлялся, что изменило атмосферу происходящего. Они стояли так близко, что почти касались носами.

Это не походило на попытку убийства, скорее на желание поцеловаться.

Бай Инь смотрел на него с тупым выражением лица, его взгляд был полон печали, словно он увидел старого возлюбленного, и в его чертах проступили следы былого очарования.

Линь Юньшэнь почувствовал, что не может нанести удар. Бай Инь был человеком спокойным, но его глаза, похожие на глаза щенка, были невинны и полны влаги. Именно эти глаза когда-то сбили его с толку.

Сейчас его мастерство было ничтожно по сравнению с Бай Инем. Даже раненый, Бай Инь мог одолеть его одним движением пальца. То, что он сейчас оказался в выигрышной позиции, означало, что Бай Инь намеренно уступил.

Линь Юньшэнь внезапно почувствовал странность.

Он не мог убить Бай Иня, как не мог убить и Хань Циньчуаня.

Он вложил меч обратно в ножны и отпустил Бай Иня.

Однако Бай Инь не отреагировал так, как он ожидал. Вместо этого он с трудом поднялся на ноги, слегка пошевелил пальцем, и ночной фонарь всплыл в воздухе, зависнув над ними и излучая мягкий жёлтый свет.

— Пойдём, сначала уйдём отсюда.

Линь Юньшэнь смотрел, как Бай Инь шёл вперёд, и в его сердце поселилась грусть.

«Эх, похоже, убежать не удастся. Пусть решает, что со мной делать».

Он последовал за Бай Инем, ночной фонарь освещал путь между ними, и духи рассеивались на их пути. Так они прошли через поселение Цисяли. Раздалось несколько криков петухов, и на горизонте появился первый проблеск рассвета. Линь Юньшэнь смотрел на силуэт Бай Иня, хотел спросить, как он себя чувствует, но не осмелился, лишь украдкой наблюдал за его спиной, постепенно замедляя шаг.

Скрыться — это всегда было его коньком.

Место было покрыто густой травой, и ночь всё ещё была туманной, что создавало идеальные условия для побега. Линь Юньшэнь осторожно прокрался на узкую тропинку, сделал пару шагов, а затем бросился бежать. Однако, не преодолев и трёх метров, он почувствовал, как веревка, связывающая бессмертных, обвила его ногу.

Линь Юньшэнь остановился, посмотрел вниз, вздохнул, сжал губы, а затем повернулся и улыбнулся Бай Иню:

— Хи-хи-хи.

Улыбка была натянутой, он тяжело дышал, и его тело подводило его.

Бай Инь стоял на развилке дорог, держа в руках веревку, связывающую бессмертных, и сказал:

— Почему ты всё такой же непослушный?

— А ты всё такой же притворщик, — Линь Юньшэнь, видя, как Бай Инь снова пошёл вперёд, теперь был намного ниже его, почти как подросток, посмотрел на длинные ноги Бай Иня и последовал за ним, осторожно спросив:

— Бай Инь, ты ведь не собираешься убивать меня?

— Нет.

— Сейчас я слаб, как младенец, и не могу считаться демоном. Ты уже убил меня однажды, не убивай во второй раз. Как бы то ни было, ты ведь был когда-то моим любимым.

К его удивлению, Бай Инь остановился и повернулся к нему:

— Был?

— А?

— Сейчас уже нет?

— ... — Линь Юньшэнь на мгновение замешкался, но он всегда был непочтителен с Бай Инем, и его бесстыдные лживые слова всегда были его оружием против него, которое никогда не подводило. Он ухмыльнулся и сказал:

— Конечно, даже если я умру снова и возрожусь, ты всё равно будешь моим любимым.

Бай Инь вдруг слегка улыбнулся, его губы дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но ничего не произнёс, лишь его глаза наполнились влагой.

Линь Юньшэнь не понимал, почему он смотрит на него так, и неловко улыбнулся в ответ. Бай Инь вдруг схватил его за воротник, и Линь Юньшэнь, удивлённый, хотел оттолкнуть его, но Бай Инь сказал:

— Тихо.

Линь Юньшэнь, увидев, что в его глазах нет злобы, а лишь блеск слёз, немного успокоился. Бай Инь развязал его пояс, подтянул воротник, а затем снова завязал пояс. Линь Юньшэнь не понял, почему первое, что Бай Инь сделал, было именно это.

Закончив, Бай Инь снял свой меч со спины, взял его за рукоять и протянул конец меча Линь Юньшэню. Линь Юньшэнь, глядя на эту сцену, почувствовал, что всё это было невероятно.

Он наконец понял странное поведение Бай Иня. Опустив взгляд, он увидел, что его одежда, всегда свободная и открывающая часть груди, теперь была плотно затянута, оставляя открытой лишь шею.

Тем не менее, он привычно взял конец меча, а Бай Инь, повернувшись, продолжил идти вперёд, и он, держась за конец меча, следовал за ним.

Идя за ним, он спросил:

— Могу я держать тебя за руку? Если ты будешь держать меня, я точно не смогу убежать.

— Впереди главная дорога.

— ...

На главной дороге много людей.

Десять лет прошло, но Бай Инь из Цзяндуна остался прежним.

Тринадцать лет назад.

— Линь Юньшэнь, Линь Юньшэнь... Цянь... Цяньшань-сюн.

Произнеся это, Бай Инь слегка покраснел и смущённо сжал губы. Однако его слова подействовали: Линь Юньшэнь, который только что упал в обморок, попытаться украсть его веревку, «чудесным образом» открыл глаза.

— Вот так лучше, — Линь Юньшэнь сел и сказал. — Запомни, обращайся ко мне «Цяньшань-сюн».

Бай Инь сжал губы, но увидел, как Линь Юньшэнь вдруг посмотрел на свою грудь, и он сразу же выпрямился, устремив взгляд вдаль. Однако он услышал, как Линь Юньшэнь вскрикнул и

схватился за свой воротник:

— Ты меня изнасиловал?!

— Что? — Бай Инь тут же опустил голову, его лицо выражало полное недоверие.

— Ты раздел меня! — Линь Юньшэнь нахмурился от гнева.

— Я не... — Бай Инь запнулся. — Что за чушь ты говоришь? Как я могу изнасиловать... мужчину?

— А что с того, что мужчина? Ты, должно быть, влюбился в мою красоту, у тебя что, склонность к «обрезанному рукаву»?

Бай Инь, будучи образованным человеком, конечно же, знал, что означает «обрезанный рукав», и покраснел от злости:

— Прекрати нести чушь!

Примечание: Дацин и Сяоцин происходят из «Записок о поисках духов», а дикая собака упоминается в «Странных историях Ляо Чжая. Дикая собака». Оба являются отсылками.

Метод «Крови и Духа» — это разновидность заклинаний. Для простоты и красоты текст, в данном случае, был изменён и дополнен.

<http://bllate.org/book/16677/1530229>